

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

Посвящается Фióне

Возьми и погаси его,
Как тот пожар, что стелется по потолочным балкам,
Издав все оттенки синего, и начинается то в автомате
Для жарки пончиков, а то на пляже, под настилом
для прогулок,
Но всегда в тот мертвый час перед рассветом,
когда прилив бездумный
Выносит груды мусора на берег к песчаным дюнам,
темным от воды,
А черный дым, пером взвиваясь в воздух,
так поднимается высоко,
Что застит и чертоги облаков. Ты усмирил его?
Так огляди свою каморку
И скажи мне честно: разве ж ты не обладаешь властью?

Пол Фарли. Власть¹

Порой с драконами ему приходится сражаться,
и с волками,
И с троллями лесными, что прячутся среди утесов,
С быками дикими, с медведями, и с кабанами,
И с орками, следящими за ним с вершин холмов
пустынных.

Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь

¹ Здесь и далее поэтические произведения даны в переводе И. Тогоевой.

Крушение тирса

23 июля 1970 года, вторая половина дня. Холодный ветер со стороны Английского канала, над головой небо цвета макрели, а вдалеке столб солнечного света, упавший точно на крошечный траулер, — такое ощущение, словно именно это суденышко Господь выбрал, чтобы особым образом его благословить. На набережной многоэтажные здания отеля «Ридженси» высятся в первом ряду, нависая над яркими кофейнями, рыбными барами, закусочными и лавками, где под полосатыми маркизами предлагают все, что душе угодно, от мелочевки «по 99 пенсов» до вяленых морских коньков в целлофановых пакетиках. Названия отелей написаны несмываемыми красками, и в сумерках они светятся яркими неоновыми огнями. «Эксельсиор», «Кемден», «Ройял». В слове «Ройял» отсутствует буква «о».

Над берегом с криками кружат чайки. По променаду фланируют тысячи две человек; одни с купальными полотенцами и бутылочками «Тайзер»¹ направляются напрямиком на пляж, другие останавливаются у телескопа, опустив шиллинг в прорезь для монет, или любуются морем, стоя у перил, на которых краска, некогда, видимо, фисташковая, за сотню лет пошла пузырями, а местами совершенно облезла от соленых

¹ «Т а й з е р» — газированный фруктовый напиток.

морских ветров. Кто-то роняет вафельный стаканчик с мороженым, и чайка, мгновенно подхватив неожиданную добычу, тут же взмывает ввысь.

На пляже некая дородная особа вбивает каблуком в песок кольшки ветрозащитного экрана, рядом с ней двое веснушчатых близнецов строят крепость из песка и палочек от лоллипоп. Смотритель собирает плату за шезлонги, доставая мелочь на сдачу из кожаной сумки, висящей у него на поясе.

— Только по пояс, не глубже! — кричит чей-то отец. — Слышишь, Сьюзен? Не глубже, чем по пояс!

Воздух над пирсом пропитан запахами автомобильных выхлопов и жарящегося лука с хот-догов. Мальчишки, купив в будке билеты, садятся за руль детских бамперных машинок и с упоением наезжают друг на друга, стучаясь резиновыми бамперами, и сразу над головой у них в проволочной сетке ограды с треском вспыхивают огоньки контактов. Шарманка без конца наигрывает вальсы Штрауса.

Девять минут пятого. Запах озона, сверкающее море, лицензия на содержание парка аттракционов.

Вот тут-то все и начинается.

Сперва разваливается одна из тех восьми заклепок, которыми должны быть скреплены две несущие фермы на западной стороне пирса. Собственно, пять заклепок рассыпались еще зимой, во время тяжких январских штормов. Пирс слегка вздрагивает — кажется, будто рядом с тобой кто-то уронил чемодан или приставную лесенку. Но на это никто даже внимания не обращает. Итак, теперь огромный вес двух ферм держится всего на двух ржавых заклепках вместо восьми.

В прибрежном океанариуме кругами плавают дельфины, точно в голубой тюремной камере.

Через двенадцать с половиной минут выходит из строя еще одна заклепка, и секция пирса с глухим уханьем оседает на полдюйма, что вызывает у людей лег-

кое удивление. Они вопросительно смотрят друг на друга — на мгновение все испытали примерно то же ощущение, что и в кабине лифта, поехавшей вниз. Но ведь каждому известно, что пирс всегда немного качается под воздействием ветра и приливных волн, и вскоре отдыхающие вновь с аппетитом возвращаются к оладьям с ананасом или бросают монетки в прорезь автомата с фруктами.

Но чуть погода раздается такой жуткий треск и грохот, словно, ломая ветви, падает срубленная секвойя, — это под воздействием сильнейшего давления гнутся и ломаются мощные опоры пирса. Люди с изумлением смотрят себе под ноги, чувствуя, как стонет дерево и металл. Затем вдруг ненадолго воцаряется тишина, как если бы само море затаило дыхание перед новым рывком, и после этого краткого затишья раздается раскат поистине библейского грома — это подломились опоры под западной частью променада, и теперь вся она широким полукругом обваливается в море. Женщина и трое детей, стоявшие у перил, сразу падают в воду. Еще шесть человек сначала повисают на краю образовавшегося полукратера, цепляясь ногтями за осыпавшийся, расколотый в щепы деревянный настил, но потом тоже падают вниз. Сквозь черные щели в уцелевших досках и балках видно, как три фигурки мечутся в темной воде, четвертая покачивается на поверхности лицом вниз, а пятое, безжизненное тело самым неестественным образом обвилось вокруг поросшего водорослями стояка. Остальные, наверное, так и остались под водой — то ли не сумели всплыть, то ли за что-то зацепились. Какой-то мужчина бросает с пирса вниз один за другим пять спасательных кругов. Но основная масса отдыхающих, побросав свои пожитки, стремится поскорее покинуть пирс — променад буквально усыпан бутылками, солнцезащитными очками и картонными коробками из-

под чипсов. Чей-то кокер-спаниель бегаёт кругами, волоча за собой синий поводок.

Двое мужчин помогают пожилой даме выбраться наверх, когда настил снова проваливается прямо у них под ногами. Собственно, женщину успевают подхватить тот, что пониже ростом и с бородой; одной рукой он вцепляется в когтистую лапу чугунной скамьи и повисает, второй рукой держа женщину, пока какой-то храбрый юноша, наклонившись над провалом, не протягивает ему руку, а потом помогает бородачу и женщине взобраться на настил. А вот спутник бородача, тот, что повыше ростом, в штанах с подтяжками и в рубаше с закатанными рукавами, ни за что схватиться не успевает и соскальзывает по вспучившимся доскам настила вниз, однако острый обломок сломанных перил прерывает его полет, вонзившись ему в поясницу. Несчастный извивается, как рыба на крючке, но ни у кого не возникает желания спуститься вниз и помочь ему. До него слишком далеко, обрыв слишком крутой, а балки слишком ненадежны. Какой-то мужчина прикрывает рукой глаза своей маленькой дочери, не давая ей на это смотреть, и уводит ее.

Служители суетятся возле колеса обозрения, пытаясь вытащить людей из зависших гондол. Они вывозят их из каждой гондолы по очереди, но те, что висят на самом верху, ждать не желают и постоянно вопят в испуге; а те, кому кажется, что они повисли достаточно низко, тоже не желают ждать и самостоятельно выпрыгивают из гондол; в итоге многие получают вывихи, а у одного явно сломано запястье.

На берегу уже собралась изрядная толпа; все смотрят на ужасающий провал, внезапно изменивший знакомый и приятный вид. На пирсе по-прежнему мигают веселые разноцветные огоньки, и оттуда все еще доносятся негромкие звуки «Императорского

вальса» Штрауса. И лишь пятеро каких-то мужчин, на ходу сбрасывая обувь, рубашки и брюки, бросаются в волны прибоя и плывут на помощь утопающим.

Вдоль центральной линии пирса вытянулись вереницей семь разукрашенных бельведеров — этакий «хребет», перегораживающий его пополам. Однако край пирса, что расположен к западу от этого «хребта», теперь стал непроходимым, и все, кто в момент обвала оказались на дальнем конце променада, теперь устремляются к узкому бутылочному горлышку прохода с восточной стороны пирса, думая только о том, как бы добраться до турникетов и вылезти на набережную, обретя и спасение, и твердую почву под ногами. Естественно, в самой узкой части прохода начинается давка; одни, споткнувшись и утратив опору под ногами, падают, а другие, те, что сумели удержаться на ногах, вынуждены либо идти по телам упавших, либо остановиться, и тогда их, в свою очередь, затопчет напиральная толпа.

Прошло всего шестьдесят секунд, но уже как минимум семеро погибших; те трое, правда, все еще барахтаются в воде. Жив пока и бедолага в подтяжках и в рубашке с закатанными рукавами, но ему явно недолго осталось. Восемь человек — трое из них дети — затоптаны обезумевшей толпой.

Один из семи бельведеров сильно накренился, легкая металлическая конструкция до такой степени искорежена, что в его двадцати двух окнах одно за другим начинают взрываться стекла.

Старший менеджер открыл служебный проход позади турникета, и люди, сумевшие избежать страшной опасности, рекой изливаются на тротуар — растерзанные, окровавленные, с расширившимися от ужаса глазами. Какой-то мужчина выносит на руках сынишку. Девочка-подросток с открытым переломом правого бедра — осколки кости торчат, прорвав

кожу, — потеряв сознание, повисла на плечах поддерживающих ее мужчин.

Движение автомобилей по набережной остановлено, толпа зрителей, выстроившихся вдоль парапета, на какое-то время притихает, и в наступившей тишине всем становится слышен страшный непрекращающийся треск.

Прошло две минуты двадцать секунд. Накренившийся бельведер падает первым, увлекая за собой и часть металлической конструкции пирса вместе с дощатым настилом. Сорок семь человек летят в жуткую пропасть, где, точно острые зубы, торчат обломки балок и опор. Только шестеро из них останутся в живых, в том числе шестилетний мальчик, которого родители, падая вниз, успевают буквально опутать собственными телами.

По всей длине пирса электрические провода искрят, как настоящий фейерверк, в тех местах, где порвалась прочная резиновая оплетка. На дальнем конце разом гаснут все огни. С жалобным стоном умолкает шарманка.

Тех мужчин, что с берега бросились на помощь, подхватывает маленькое цунами, возникшее из-за падения в воду значительной части пирса. Мощная волна, пройдя под пловцами, выносит их всех на пляж, и они кубарем откатываются к столбику с отметкой «высокая вода»; такое ощущение, будто и эта волна успела заразиться микробом разрушения от породившей ее беды.

Менеджер торговой галереи, находящейся на дальнем конце пирса, сидит в своем крошечном кабинетике, прижимая к уху трубку молчащего телефона. Ему всего двадцать пять, он даже в Лондоне никогда еще не был. И он понятия не имеет, что ему делать.

Пилот двухмоторного самолета «Сессна-76D» смотрит вниз и не может поверить собственным глазам.

Он снижается, кружит над пирсом, пытаясь убедить-ся, что зрение его не обманывает, и лишь после этого связывается с диспетчерами Шорема.

Пирс теперь окончательно раскололся пополам — изломанные края обеих половин с изумлением смотрят друг на друга, а между ними вода, и в ней сорок пять тонн деревянных обломков и скрученного в узлы металла. Группка людей, застрявших на дальней части пирса, повисшей над морем, в отчаянии застыла на самом краю в надежде, что их увидит или услышит кто-нибудь, способный прийти на помощь. Остальные все же стараются держаться подальше от края, пытаясь оценить, насколько прочна уцелевшая часть пирса. Три пары угодили в ловушку, застряв в аттракционе «Поезд-призрак», и теперь вынуждены лишь прислушиваться к голосам и шумам, доносящимся снаружи; выбираться самостоятельно они бо-ются — им кажется, что тогда они станут свидетелями конца света.

На ближней к берегу части пирса, прямо на насти-ле, два человека лежат совершенно неподвижно, еще трое не могут двигаться из-за тяжелейших травм. Ка-кая-то женщина яростно трясет своего бесчувствен-ного супруга, словно тот проспал и опаздывает на ра-боту; рядом с ней мужчина с покрытыми татуировкой руками извлекает оцепеневшего от страха кокер-спа-ниеля из огромной цифры восемь. А у той пожилой дамы случился инфаркт — она умерла, сидя на лавоч-ке, чуть склонив голову набок, и со стороны выгля-дит, будто старушка просто задремала, да так и про-пустила все самое интересное.

Из лабиринта городских улиц доносятся приглу-шенные вопли сирен.

Двое из тех пятерых пловцов решают остаться на берегу, опасаясь, что их может задеть обломками пир-са, который продолжает разваливаться, но трое все